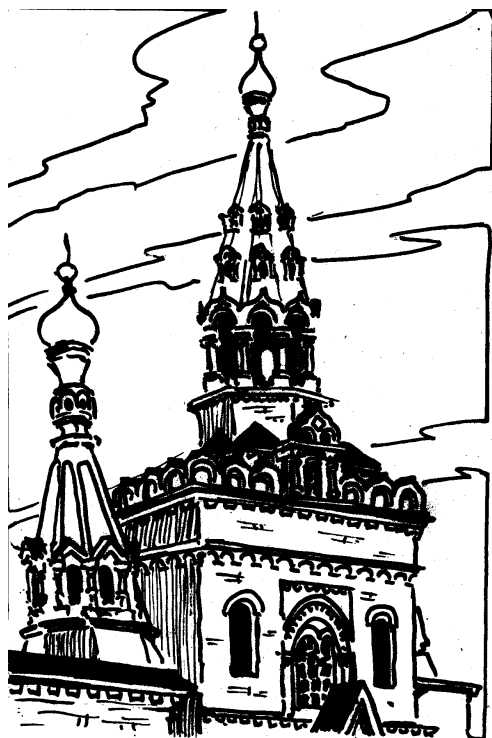

В.А. Шемшук
ПОВОДЫРЬ

Москва
2013

Владимир Шемшук известен нам как исследователь древней русской культуры и пропагандист Священных Рощ. Однако читателю будет интересно узнать его и со стороны писателя, работающего в жанре короткого рассказа. Его наблюдения сегодняшней нашей жизни точны и выпуклы. Но это не просто констатация увиденного, это ещё и философское осмысление происходящего. В нашем обществе делается всё, чтобы никто не замечал, как люди мучаются от боли, которую испытывают не только взрослые, но и дети. И нельзя допустить, чтобы равнодушие и чёрствость стали основой общества. Главный вывод, следующий из его рассказов, что нам нельзя в это трудное время ни победить, ни выстоять без правды жизни.

Редактор: Субботина М.А.
Компьютерная вёрстка Иконников А.В.
Художники Армишева Н. В.
Армишев В.В.

© Шемшук Владимир Алексеевич.
© Издательство «Шемшук и К»

Содержание

Посвящение Николая Домовитова.....	4
1. Подарок.....	5
2. Я русский.....	11
3. Бомжа.....	13
4. У могилы цветка.....	15
5. Точки власти.....	17
6. Предчувствие беды.....	23
7. Шаман.....	31
8. Ожидание.....	37
9. Новые старые игры.....	39
10. Мишутка.....	41
11. Запоздалое прозрение.....	45
12. Расстрел.....	47
13. Я еду по деревне 60.....	51
14. Кузя.....	53
15. Чёрные деньги.....	59
16. Дети войны.....	65
17. Поводырь.....	69

**Посвящается моему
другу и учителю
Армишеву Владимиру
Васильевичу**

Я тиранов славить не умею,
И душа, как стёклышко чиста,
Потому что истина виднее
Не с вершины власти, а с креста.

Николай Домовитов

Подарок

В этом году на даче, где я жил последние два года, выдался хороший урожай. Я собрал: четыре мешка картошки, два мешка капусты, почти мешок моркови, два ведра свёклы, ведро лука и полведра чеснока - моего благосостояния, потому что весной его можно будет продать и докупить картошки и муки. Один мешок картошки я поменял на дрова, поскольку старого запаса мне бы не хватило на зиму, а другой мешок сразу отвёз дочери, которая недавно вышла замуж. Она и её муж работали, и особо не нуждались в моей опеке, но я чувствовал необходимость оказывать заботу, как это было в старые добрые времена, когда я ещё кое-что мог.

Оставшегося запаса мне одному вполне хватило бы дотянуть до весны, когда начнёт расти зелёная трава, из которой я мог делать различные съедобные вещи. Мне оставалось купить немного муки и соли, чтобы засолить капусту. Для этого нужно продать или морковь, или картофель. Морковь жалко продавать, когда была оттепель, в целях экономии дров я не топил печь и не варил картошку, а морковь можно есть сырую. Поэтому,

чтобы купить соли, я решил продать ведро картошки. Позже, когда картофель подрастёт в цене, я думал продать ещё пару вёдер, чтобы купить муки, потому что есть овощи без хлеба всю зиму не совсем сытно.

И тут бывшая жена пригласила меня через дочь на свой юбилей.

Жизнь давно развела нас. Она работала в таком месте, где все время повышали зарплату, я же после увечья оказался безработным и вдобавок ко всему без пенсии, которую ещё надо "вышибать", чему я так и не научился. Чтобы меня не считали нахлебником, мне пришлось оставить семью, которую в новых условиях я не мог содержать, и переехать на дачу к товарищу, которых у него их было две. Там я и жил два последних года на подножном корму. Конечно, можно и не пойти на юбилей, но там будет дочь с мужем, которых я тоже редко вижу, друзья и подруги из нашей старой компании, которых я уже забыл, когда видел. Да и жизнь в одиночестве - это не такое уж радостное существование, как пишет об этом Жан Жак Руссо. Конечно, продавать сейчас картофель за бесценок - безумство, но выбора не было.

Я взял полмешка картошки и с утра поехал на рынок, тратя свои последние копейки, которые я держал на чёрный день. День обещал быть

радостным, ведь предстояла встреча с людьми, с которыми у нас вместе прошла молодость. У меня была хорошая картошка, и я продал свой товар сразу же, так что контролёр рынка даже не успел подойти ко мне, и эта экономия у меня подняла настроение.

Оставшиеся полдня до начала торжества я проходил по магазинам, размышляя, что я могу купить на вырученный гонорар, чтобы было дешево, эффектно и чтобы ещё выкроить деньги на соль и, может, купить хоть немного муки.

Французские духи, которые она любила, отпадали сразу, поскольку они не вписывались в мои возможности. Безделушки она терпеть не могла, а если подарить хорошую книгу, то я вряд ли буду понят. Конечно, проще купить цветы, но я принципиальный противник дарить умирающие цветы и не помню, чтобы когда-то это делал. Купить хорошую коробку конфет? Но продавались только импортные, которые никто из нас не любил. На хороший торт у меня не хватало денег, а если купить торт попроще, то не хватит денег на соль.

Я знал, что она любила всегда колбасу. Сейчас её этим не удивишь, но если постараться найти какой-то деликатес, то в этом открывается ряд преимуществ. Во-первых, можно попросить

продавца, чтобы взвесили на сумму, которой я располагаю, а, во-вторых, выкроить ещё деньги на соль. И я, наконец, после долгих поисков купил небольшую палку охотничьей колбасы, пусть даже это стоило моего полугодового запаса муки.

В назначенный час я явился к юбилярше, и вручил ей свой необычный и тщательно завернутый подарок. Она улыбнулась, пригласила раздеваться и проходить к гостям, а сама ушла хлопотать на кухню. Торжество началось с небольшим опозданием. Провозглашались тосты, ели, пили и говорили. Я сидел с дочерью и с гордостью рассказывал ей, как трудно сейчас выбрать женщине достойный подарок, и как я решил эту проблему, хотя почему-то эту колбасу не подали, а очень хотелось попробовать, потому что я её и сам никогда не ел, но слышал ещё от своего дяди о её очень высоких достоинствах.

После салатов все пошли покурить на кухню, и я пошёл поболтать с теми, с кем очень давно не виделся.

На кухне пёс уплетал мою охотничью колбасу.

- Ты что не воспитываешь собаку, - чуть не закричал я своей бывшей жене.

- Она стащила у тебя колбасу!

- Я ей сама отдала, - не глядя на меня, ответила жена.

Я осёкся, поскольку у меня перехватило дыхание. Здесь меня не считали за человека, тем более за равного, хотя я изо всех сил старался не потерять человеческого лица, цепляясь за свою, ставшую никому ненужной жизнь. Мне больше не хотелось кого-то видеть и с кем-то говорить о прошедшей молодости. Пройдя в прихожую, я надел свой поношенный плащ, который контрастно смотрелся на фоне дорогих шуб и кожаных пальто, и ни с кем не попрощавшись, вышел на улицу.

Холодный воздух вернул мне спокойствие, хотя сердце всё ещё часто колотилось. Постепенно обида на тех, кто меня пригласил, прошла. Я шагал прочь из города, по-тому что денег на транспорт всё равно не было, да и хотелось побыть одному. Соль и мой единственный клееный пакет остались дома у моей бывшей жены, которые она наверняка выбросит. Но они мне теперь вряд ли по-надобятся. Позади оставался город разрушенных надежд, а впереди чернела снежная даль безнадёжности.

Я русский

Он стоял у забора городского

парка с ножом в руке, а вокруг полукольцом стояла разгорячённая бегом толпа. В городе, который ещё недавно был русским, а теперь оказался за границей, шло монотонное выживание русского населения. Из толпы то тут, то там слышны были выкрики: "русская свинья, убирайся домой", а то и похлеще. Толпа медленно сжималась, но никто не рисковал первым напасть на русского парня. Уйти от погони помешал высокий забор. У парня были голубые глаза и в них не было злости или затравленности, а скорее всего спокойствие. Из толпы выдвинулся коренастый угрюмый детина, с длинным тонким стилетом в руке, очень напоминавшим шомпол с острым концом.

- Ну, что, русская сучара, отбегался? - прошипел он на чисто русском языке без всякого акцента. Вдруг, стоявший у забора парень вскинул нож и с криком:

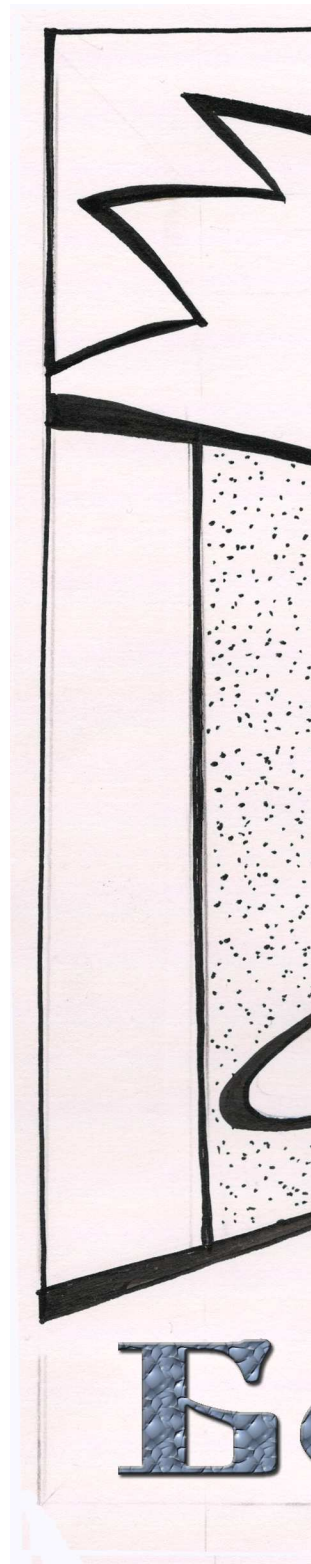
- Я русский! - всадил нож себе в грудь.

Молодое сильное тело не хотело умирать и, падая на бок, несколько раз судорожно дёрнулось.

Из толпы выскочил худой осмелевший преследователь и пнул умирающего по лицу.

- Назад! - рывкнул детина со стилетом, которому парень не дал стать героем. Теперь угрюмый глядел на упавшего возле его ног "врага". Толпа, которой детина не дал добить умирающего, затихла. О чём он думал, этот выдавший виды здоровяк? Может быть, о том, что русские предпочитают убить себя, чем убить другого?

На деревьях на секунду замолкли радостно певшие птицы, и сияющие краски городского пейзажа померкли. И никак не хотелось верить, что в этом прекрасном мире есть такая смерть.

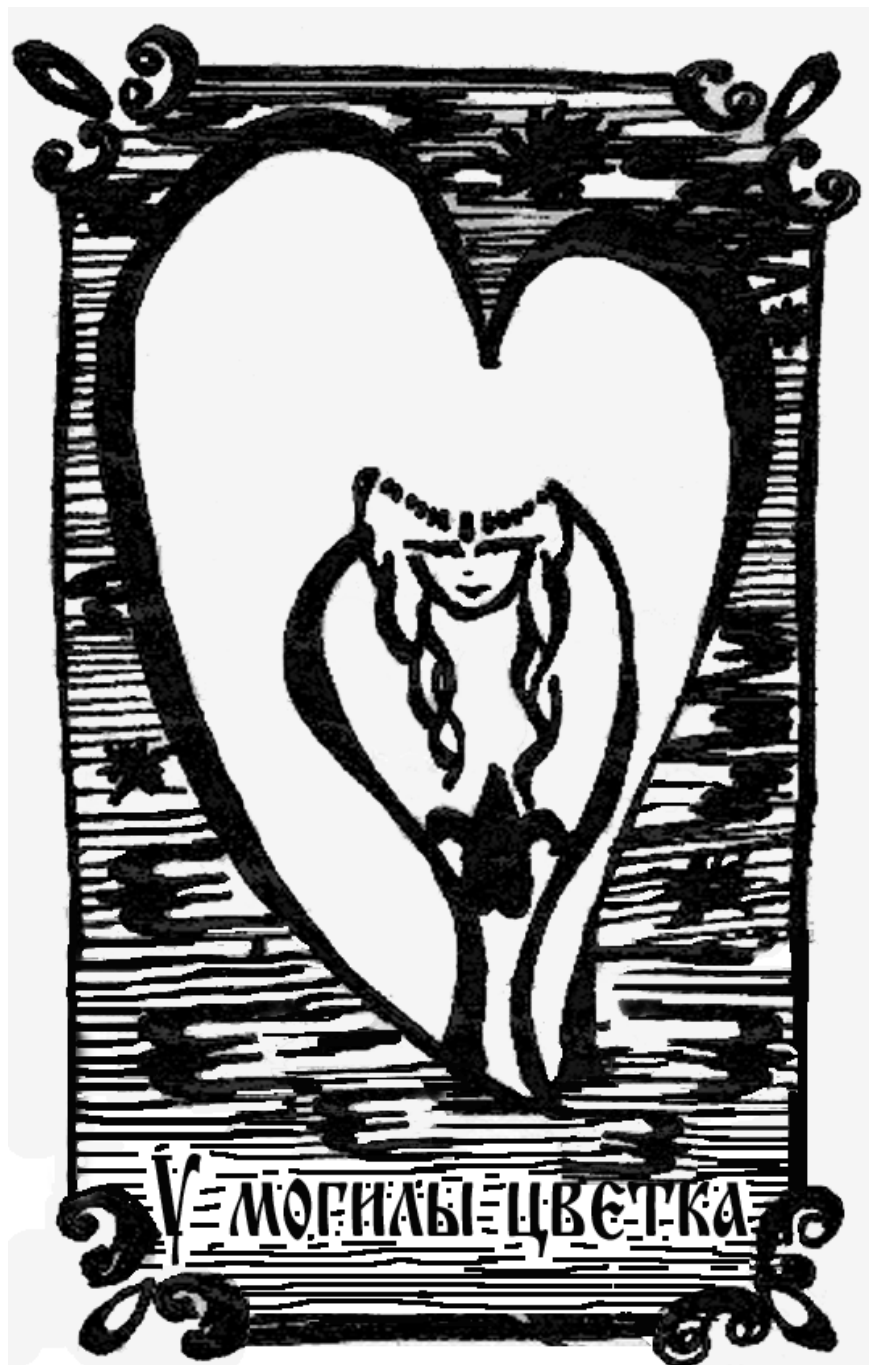

Бомжа

Бомжа

Они столкнулись с ней в
подъезде его дома, где они
вместе снимали квартиру. Она спускалась к нему
навстречу, и он обрадовался, увидев её. В руке у неё был
пистолет, направленный на него, что делало ситуацию
совершенно нереальной и нелепой, которую он не мог ни
принять, ни понять, ни поверить в реальность происходящего.
Наверное, она шутит или хочет его напугать? - подумал он.
Всё ещё по инерции поднимаясь по ступенькам, его вдруг
пронзила мысль, что его собираются убить. Но за что? За то,
что он уличил её в подлоге документов? Или за то, что он
обнаружил у неё утаенные от него их совместные деньги. Но
ведь он же её простил! Или за то, что он расчётлив в бизнесе?
Или...? Он продал дачу три года спустя после дефолта, и они
вместе смогли открыть магазин, где она работала продавцом.
Она же, желая улучшить свои жилищные условия и начать
совместный бизнес, продала две родительские квартиры, сразу
после дефолта, хотя он был категорически против этого.
Действительно цены на квартиры после дефолтовского
падения, резко пошли вверх и ей не хватило денег не только
на хорошую квартиру, но даже на комнату. И ему пришлось
занимать денег, чтобы добавить ей на покупку комнаты на
самой окраине города, которую она отдала сыну. О бизнесе не
могло быть и речи. И вот теперь ради паршивого магазина его
собираются убить. Ещё с армии он знал, что даже смертельное
ранение не может остановить бойца для нанесения ответного
смертельного удара. Но кого тут убивать? Её? И он замер в
растерянности, не зная, что же делать в такой дурацкой
ситуации. Потому что не мог причинить ей боль. И никак не
мог поверить, что она решила от него избавиться. Эта было
невозможной фантастикой, поверить в то, что она способна
спокойно в него выстрелить.

Но она выстрелила...

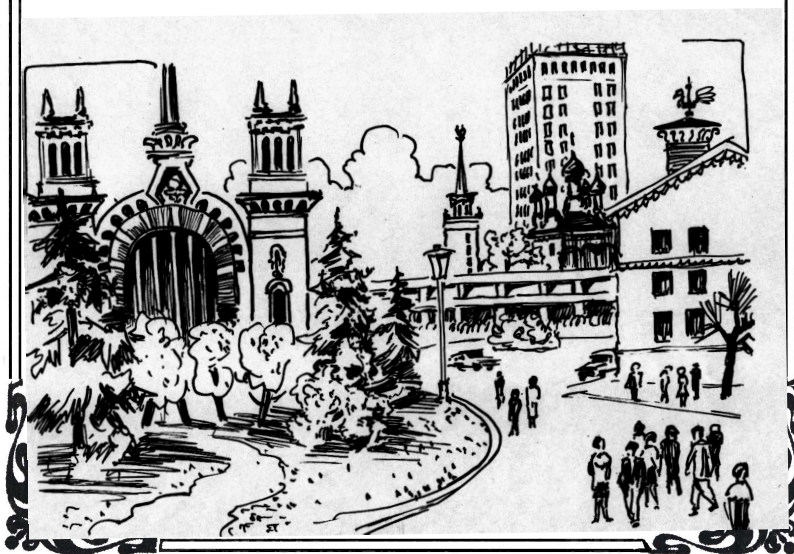

несостоявшейся любви и вспоминал всю его короткую жизнь сначала. Перед пересохшими глазами проходили одна за другой картины: как он родился и, к моему удивлению, смог расти, когда кругом были злоба и ненависть, а в душах царила пустота. Как он преодолевал, хоть небольшие, но препятствия, и как радовался вместе с нами своим маленьким победам. И вот первое серьезное препятствие оказалось несовместимым с его жизнью. Я вижу, как он шутил сквозь слёзы, когда услышал, что должен умереть. Почему? Потому что он слишком маленький и не сможет жить в таких условиях. А умереть лучше сейчас, чем мучиться дальше. Но он не верил, что вот так просто, ни за что... Ведь он же уже подросток и даже сможет вырасти ещё больше, а ему говорят, что надо умереть. Но ведь он же живой! Зачем тогда он был нужен? И зачем он тогда рос? Ведь он ещё так мало успел, и так многого хотел: вырасти, стать красивым, и жить, и тоже быть счастливым, а ему говорят - надо умереть. Так в чём же его вина? Неужели лишь только в том, что он мал и поэтому его не должно быть?

Он тихо плакал и ничего больше не говорил и не просил, ведь всё уже было решено за него. Да и что можно сказать, когда сваливается такое большое горе на такого маленького. И в этих беззащитных слезах - была обречённость быть растоптанным. Поначалу при всяком новом воспоминании он вздрагивал от боли, но постепенно боль прошла и он лежал неподвижно. Я не заметил, как он умер.

Мне осталось только его похоронить. Я стоял у могилы растоптанного цветка и думал: "Где же тот Садовник, который научил бы нас беречь и растить цветы? Я стоял у холодной могилы растоптанного цветка, а в мире светило Солнце и сверкали звёзды, и живущие радовались жизни. И никому не было дела, что на свете жил маленький цветок, который так и не успел стать большим.

Точки власти

Я шёл разгорячённый скандалом со своим шефом, ре-зультатом которого было положенное на стол заявление об уходе по собственному желанию.

Уеду к чёртовой матери, хоть куда, подальше от этой ругани, непонимания, обид... Стараешься, стараешься, а тебя "фейсом об тейбл". Уйти или уехать - это я уже решил точно, только пока не знал куда.

И тут я вспомнил своего приятеля Миколу, такого же коллекционера редкой книги, как и я, с которым мы по-стоянно обменивались литературой по магии. Он давно обещал познакомить меня с человеком, который, в отличие от нас теоретиков, настоящий специалист в этом деле. Препятствием к знакомству была необходимость идти далеко в лес к Горюн-камню, к которому три дня ходу с рюкзаком, а у меня всё это время не было не только недели, а даже дня для этого мероприятия. Вот куда я направлюсь и стану тоже лесным человеком, как Миколин специалист по магии, которого между собой мы называли Кондимом.

Я сразу направился к Миколу. Поздоровавшись и не успев переступить порог, без обиняков сразу изложил свою просьбу - связать меня с Кондимом.

- Созрел, сказал Микола, но ты помнишь - три дня до Горюн-камня, а там звать его, пока он придёт, если, конечно, придёт. И нельзя брать с собой никакого оружия, ни кина, ни фотоаппаратуры.

- А ты пойдёшь со мной, чтобы представить?

- Он тебя знает давно.

И он рассказал мне, как лучше добраться до Горюн-камня, который местные жители называют иначе.

В этот же день налегке, без оружия и без особого провианта, я выехал в тайгу. Мне и раньше приходилось в одиночку ночью преодолевать лесные массивы, поэтому добрался я без приключений. Звать Кондима мне пришлось недолго. За спиной услышал раскатистый баритон:

- Ну что, детинушка, голову повесил, и чего же ты невесел.

Я резко обернулся и увидел человека огромного рос-та. На мгновение я потерял дар речи. Микола говорил, что он высокий, но не до такой же степени. Когда я по-нял, что передо мной Кондим, выпалил:

- Хочу жить в лесу.

- Нет, детинушка, не по лесу ты хочешь, как пташка порхать, хочешь ты, дружочек, людьми повелевать.

Кондим говорил прибаутками и сыпал русскими по-словицами, которых я раньше никогда не слышал. Мы посидели с ним у Горюн-камня, я рассказал ему, что знал из последних известий, слышанных по телевизору. Он слушал, не перебивая, крутя в руках, как ветку сухое деревце.

И под конец нашей беседы сказал:

- Чтоб навластвовать всласть, надо внимание своё покласть на ту точку тела, что вдруг

покраснела. Если нету красноты, ты рукой тихонько проведи, она и по-краснеет.

- А что с этими точками делать, - не совсем поняв сказанное, переспросил я Кондима. Но Кондим исчез, как сквозь землю провалился.

Возвратившись в город, я решил сразу испробовать полученные знания на практике, поэтому направился не домой, а к Наине, с которой у нас шёл вялый роман уже больше года. Смеркалось, когда я постучал к ней и вручил ей разнотравье, которое я собрал в тайге для чая.

- Сегодня у нас чайный пир, - объявил я ей.

После чайной церемонии, я как обычно, остался у неё ночевать. Собственно говоря, особой разницы между использованием точек власти, и без их использования, я не обнаружил.

И тут Наина мне созналась, что ей предложили замуж и она уже согласилась, потому что ей надоело меня ждать, и терпеть, как я всё время куда-то исчезаю и пропадаю, не предупредив и не позвонив. А эту ночь она мне хотела подарить, как прощальную, но теперь передумала, поскольку поняла что не может без меня, и решила остаться со мной, даже в качестве любовницы. Она думала, что её признание повысит её очки, но оно меня наоборот взбесило.

Как она могла поменять меня на кого-то?

Больше мне не звони, - объявил я ей, уходя.

По дороге домой я купил провианта, чтобы

уехать на недостроенную дачу, поскольку лучшее лекарство от неудавшейся любви - это ударный труд. Приехав на свою дачу, я стал возводить на положенный ранее фундамент кирпичные стены, замешивая раствор, я возводил ряд за рядом стены будущего жилища. Через две недели кончился цемент и я приехал в город, чтобы закупить его и уехать снова работать, поскольку мне хватило его лишь на треть стены. За время моего пребывания в городе Наина приходила два раза, стуча в дверь и умоляя меня, чтобы я её выслушал. Но я был непреклонен и говорил с ней не открыв даже двери, настаивая, что между нами просто больше ничего не может быть. Закупив цемент, я снова уехал на дачу с твердым решением закончить стены. Через три недели я вернулся домой.

В почтовом ящике я обнаружил квитанцию на оплату коммунальных услуг и три повядших гвоздики.

Нужно было начинать новую жизнь, и я пошёл бродить по городу в надежде, что мне придёт решение. Невольно ноги принесли меня к дому Наины. Там у её подъезда толпился народ. Кого-то хоронили. Почувствовав недоброе, я пробрался сквозь толпу и узнал, что хоронят молодую женщину - Наину. Всё ещё сомневаясь я дождался когда вынесут гроб с её телом. Сомнения исчезли.

- Как она могла? Неужели из-за меня? Но сколько таких как я у неё уже было? Да и наши вялотекущие

отношения ни к чему не обязывали ни её, ни меня. Разве могли они привести к такому результату? Но оказывается даже такие отношения, вызывают бурю протеста потери. Почему она так поступила? - спрашивал я себя. Неужели точки Кондима сыграли свою роль? Если это так, то как можно общаться с представителем ушедшей культуры, в которой всё не так, и знания не такие, а оказываются вредными для нас?

Я не поехал на кладбище, а попытался побыстрее добраться до городского лесопарка, чтобы, наконец, остаться одному и дать волю своим чувствам. Ничего, оказывается, во мне не умерло к ней. Просто было вытеснено другими эмоциями и событиями, затмившими то чистое и трогательное, которое было между нами сначала. Я понимал, что "горькая" не поможет и не облегчит. Нужно всё равно было самому пережить весь этот ужас, свалившийся на меня.

С тех пор я больше не пытался экспериментировать с точками власти. И в каждой понравившейся мне женщине я видел Наину, которая пала жертвой тайных знаний, даже не подозревая об этом.

Предчувствие Беды

Предчувствие беды

Лёжа на коврике в коридоре
подъезда многоэтажного

дома, он пытался унять дрожь, прижимая к груди рукой телогрейку, которой укрылся. Он болел уже вторую неделю и болезнь не проходила. Хотя внутри всё горело, его колотил озноб.

Последние два года, как его сократили с завода и выгнали семью из дома, он мёрз постоянно и зимой, и летом. Особенно зимой. Нужно было немного подождать, прежде чем заснуть, иначе его кашель разбудит жильцов. Он боролся со сном и кашлем, однако видение матери оставалось почти наяву. Она подавала рыбный пирог, который всегда готовился в семье по праздникам. Маму он уже не видел почти три года. Сразу после приватизации квартиры она исчезла, никому ничего не сказав, так и не успев переписать её на него. Про себя он давно решил, что её убили из-за этой проклятой квартиры, за которые сейчас убивают столько людей. Но ему нельзя умирать, потому что нужно вырастить сына и уберечь его от всяких наркоманов и пьяниц.

Всю жизнь он проработал на одном заводе, поступив туда ещё до армии после училища, и достиг высоты и уважения, переработав на всех станках, став в итоге, токарем-универсалом. Зачастую во время авралов он спасал лабораторию и весь завод от невыполнения плана, потому что спецзаказы, которые никто не мог сделать, он творил с удовольствием. Его фотография не снималась с доски почёта. Однажды даже сам директор завода с генеральским чином пришёл к нему с просьбой сделать профиль, из-за которого

не могли запустить новое изделие, и даже самый опытный лекальщик оборонного цеха, уже заваливал третий профиль.

- Времени не осталось и часу, сказал директор. - Одна надежда на тебя, ведь ты же в прошлом был хо-рошим лекальщиком.

И он не подвёл своего директора.

А теперь он стал никому не нужен. Да и не только он.

Когда завод стал часто простаивать из-за отсутствия заказов, его, как и всех, отправили в отпуск без содержания. Тогда он и стал ходить в философский кружок, и с удовольствием слушал, как молодые люди горячились в споре. Один говорил, чем читать Махаришу - индийского мудреца, утверждающего панацею от всех несчастий - стать прозрачным, лучше бы читали русского философа Писарева, который трезво писал, что никто не может быть счастливым, пока на Земле остаётся хотя бы один несчастный человек.

Он вспомнил сына. Сын отказался просить милостыню на улице и был взят вместе с группой товарищей за ограбление киоска. Сейчас он отбывал наказание в детской колонии. Конечно, это может лучше, чем скитаться с ним по подвалам и бойлерам. Но... тюрьма есть тюрьма.

Он вспомнил, как их - всех жильцов - выселяли из квартир трёхэтажного дома, который власти кому-то продали, и как он оказался с сыном и женой на улице. А после сокращения с работы, из-за отсутствия прописки, его с женой лишили ещё и пособий по безработице.

Он продал весь свой инструмент, собираемый столько лет, чтобы собрать сыну на посылку, которую можно передавать только раз в месяц. Вырученных де-нег хватило только на две посылки.

В следующий раз, чтобы собрать посылку, Люба пошла на добычу денег к какому-то садисту, после которого так и не оправилась. И как он её ни спрашивал, кто этот мерзавец, она ему так и не сказала. Он пытался его найти сам, но их откуда-то так много повылазило и они больше не скрывали своих интересов, что ему никак было не вычислить, кто же этот негодяй. Посылку они отправили, а Любу он похоронил. На кладбище, где вместо крестов стояли колы с номерами, он нацарапал на коле "Люба", уверенный, что когда кончится весь этот маразм и токари-универсалы снова окажутся нужны людям, он обязательно поставит ей на могиле памятник и сделает оградку.

Однажды он встретил земляка-сослуживца. С ним они вместе призвались в армию и служили в одной роте. Перед дембелем друг завербовался на комсомольскую стройку и уехал в другой город. Он написал ему два письма: одно - как устроился, а второе - из тюрьмы.

Когда друг условно-досрочно освобожден, и вернулся в родной город, пришлось побегать по начальству и устроить его на работу. Но через несколько месяцев за нарушение режима пребывания на свободе, друга забрали снова.

Они не виделись много лет и вот случайно встретились. Друг пригласил его в гости. Все квартиры подъезда, принадлежали моему другу. После освобождения его друг сделался авторитетом. Стал учредителем нескольких фирм и имел большой пакет акций крупных предприятий города и области.

- Мы укрывались с тобой одной плащ-палаткой и ты после дембеля не один раз помогал мне. Я вижу, что нужда совсем заела тебя. Но ты не будешь теперь ни в чём нуждаться. Мне нужны надёжные люди.

Они чокнулись хрустальными бокалами с заморским вином, имеющим мудрёное название и стали закусывать. Он ел курицу, ветчину, салаты в пластмассовых упаковках. Насыщение наступило быстро, но чувство голода не исчезало. Он взял ломтик сухой колбасы и стал жевать.

- Ты что не чистишь колбасу-то? - Засмеялся хозяин.
- Её же чистить надо.

Да, он так давно не ел колбасы и совсем забыл, что её надо чистить. Вот незадача. Ему вдруг стало жалко себя. Почему это он, токарь-универсал, должен есть кем-то выброшенный мёрзлый картофель или пропавший сыр, и допивать капли сока из выпитых пакетов, а его будут учить как надо правильно есть заморскую колбасу. Почему он должен каждый день, каждый час и каждую минуту испытывать муки голода, чувствуя всем своим существом, в какой квартире что варят, и что жарят, а его жизнь должна зависеть от того, кто что выбросит в мусорный ящик. Он пытался сдержать готовое вырваться наружу рыдание. Хотя хорошо понимал, что в его положении иметь чувство достоинства, слишком большая роскошь. Эта мысль его ещё больше расстраивала и он не хотел, чтобы кто-то видел его слабость.

- Подожди, - сказал друг. - Я тебя угощу таким вином, о котором ты даже не слышал.

И не докричавшись служанки, сам ушёл на кухню.

Не дожидаясь его возвращения, он схватил свою телогрейку и поспешил покинуть квартиру, где уже мог себя не сдерживать. После этого они с другом не виделись.

Простуда протекала тяжело, нужно съесть лимон и он выздоровеет, но у него было денег всего поторы тысячи, только на пол-лимона или полбуханки хлеба, хотя он твёрдо

решил, что купит не хлеб, а лимон. Но нужно было где-то заработать ещё хотя бы тысячу. От долгой экономии деньги поистрепались и их ещё могли не взять. Сегодня на рынке, где он подрабатывал в продовольственном киоске, его буквально шатало, но уйти нельзя, место сразу займут, а другого ему не видать. Он еле дотянул до конца работы. За то, что он плохо работал в последнее время, ему не платили, а давали немного поесть. Но, несмотря на то, что он болел, он всё равно приходил каждый день, чтобы не потерять это место.

Сегодня он чувствовал себя очень скверно и понял, что ему не дойти до бойлера, где он ютился вместе с выселенцами, поэтому и зашёл в ближайший подъезд.

Лёжа на бетонном полу, у него продолжались видения. После мамы появилась Люба. Она была в своём нарядном платье, которое надевала, когда они шли к кому-нибудь в гости. Конечно, денег не хватало, они копили на кооперативную квартиру. Да вот не успели купить, началась перестройка, и деньги обесценились. Первое время после выселения Люба ещё работала в столовой поваром, они поселились в дровянике подвала пятиэтажного дома. Люба благоустроила их обитель, он провёл свет, но оставить в этой "квартире" ничего было нельзя, потому что туда мог зайти кто угодно, а оставаться кому-то одному из семьи было опасно, потому что их часто беспокоили наркоманы. Поэтому очень быстро они перебрались в бойлер, где жили их бывшие соседи из выселенного дома. Вскоре они с сыном поехали в деревню. А Люба не могла бросить работу - единственный источник их существования, и осталась в городе. Дачи своей у них не было, и он в лесу на берегу реки соорудил сарайчик, где они прожили с сыном всё лето.

Они удили рыбу, ходили за грибами и ягодами, просиживали вечерами у костра, и если бы не ощущение беды, и постоянный поиск ответов на одни и те же вопросы: Что делать? Где найти работу? Где жить, когда наступит зима? - от которых можно сойти с ума, то можно было бы считать, что они проводят время счастливо.

Они с сыном сдружились, потому что тот доверил ему свои мальчишеские тайны, а он смог поведать обретенные на заводе всякие премудрости, хотя они сейчас вряд ли могли кому-то понадобиться. Но ему нравилось, сидя у костра, рассказывать различные случаи из своей жизни, и видя, с каким вниманием слушает его подрастающее поколение, воодушевлялся, забывая об их безвыходном положении, и становился настоящим рассказчиком. Люба приезжала к ним на все свои выходные вечерам в пятницу и тогда их "апартаменты", делались по домашнему уютными, наполняясь женской теплотой и заботой. Она ставила на самодельный стол банку с цветами, стирала бельё и готовила вкусные супы. В воскресенье они вместе ехали в город и продавали на рынке собранные дары леса. Но, когда столовую кому-то продали, всех сотрудников уволили. Тогда-то и пошла беда за бедой.

Сначала не стало Любы. Потом ему выбили зубы. Просто так. Он подменил приятеля по рынку, а тот, очухавшись с похмелья, зверски избил его, отобрав дневную зарплату и паспорт.

Было больно, очень больно не из-за выбитых зубов. Приятель знал, что он собирает каждую копейку на посылку сыну. Теперь для него появилась проблема: есть семечки - это всё, что он мог себе позволить купить. Потому что когда ешь семечки, не так чувствуешь голод.

Очнулся он от пинка в грудь. Попытался защититься руками, и полез в карман за своими рублями, которых как раз хватило бы на полбуханки, подумав, что если он их отдаст, его оставят в покое. Но получил сильный пинок в живот, от которого у него всё потемнело в глазах и наступила, теперь уже вечная темнота.

Он уже не видел, как приехала милиция, и как его отвезли в морг. В карманах у него нашли немного семечек, которые он экономил на чёрный день, авторучку и смятый листок письма со множеством зачёркиваний, где он так и не смог найти форму, как сообщить сыну о смерти Любы. В подкладке телогрейки обнаружили потайной карман, в котором были станок для бритья, ножницы, перочинный ножик, осколок зеркала, расчёска, маленький кусочек мыла, завернутый в газету, и партийный билет члена КПСС. Всё это было уложено в самодельный полиэтиленовый пакет, где для каждого предмета был сделан свой кармашек.

А в это время на нарах детской колонии, предчувствуя беду, чтобы никто не услышал, плакал в соломенную подушку Маленький Человек, который ещё не знал, что взрослые дяди и тётки насовсем забрали у него Маму и Папу.

Шаман

Шаман

Эту ночь он провёл один в большой родовой яранге. Образ матери уже стёрся из памяти, её он не помнил. Деда НКВД забрало ещё год назад. А отца-шамана всего их стойбища увезли вчера.

У него ещё не высохли глаза от слёз, когда начался новый день, и к его яранге принесли охотника, истерзанного медведем.

У охотника было бледное лицо, разорванный живот, а внутренности, испачканные землёй, лежали с ним рядом.

- Лечить однако надо, - откинув полог его яранги, сказал дядя Зариб, - иначе совсем помрёт.

- Но, папа... его ведь отпустят? - сказал или спросил он.
- И деда уже давно нет.

- Никто ещё оттуда не возвращался, - сказал дядя Зариб.

- Тебе надо лечить. Больше никому. И лечить надо быстро.

- Но я ведь ещё маленький, мне только шесть лет, и я ничего не умею...

- А кто умеет? Ты внук шамана, сын шамана, и рождён шаманом. Ты видел, как лечит твой дед и отец. А другие не видели.

Дядя Зариб бросил к нему на лежак белую кухлянку и бубен отца.

- Одевайся, - сказал он и вышел, потому что никто, кроме родственников, не могли видеть таинства подготовки ритуалу.

Он стал одеваться, а что ему ещё оставалось делать. И думал - ничего у него не получится. И тогда его выгонят из стойбища и позовут другого шамана.

А может, не выгонят? Ведь он ещё маленький.

Волчицей подкрадывался страх, что ничего не получится. Но ему очень хотелось быть взрослым, и чтобы его не выгнали в безлюдную тундру. И очень хотелось стать шаманом, как его дед и отец.

Дедушка такой мудрый, что его не спроси, он обо всём всё знал.

Отец сильный и такой заботливый.

И он вспомнил. Надо позвать птицу предков - Ма-терь Сва, которую видят только шаманы, и тогда она всё скажет.

А вдруг она не прилетит? Ведь он не прошёл никаких испытаний, чтобы получить право на общение с миром предков. Однако за пологом яранги умирал охотник... Его надо лечить. Значит, нужно быстро звать птицу предков. Она всё знает. Она скажет заветные слова...

Широким ремнём с множеством оберегов он подпоясал красивую кухлянку отца, загнув и сложив подол в два раза. Насыпал из банки в маленький кожаный мешочек сушёных ароматных трав, специально подготовленных отцом для костра, взял бубен и вышел к людям его стойбища. Уже горел костёр, разведённый недалеко от его яранги, грелась вода в казане.

Ударив в бубен, он стал бегать вокруг костра, прыгать, останавливаться и кружиться на одном месте, как это делал его дед, и его отец, и так теперь делал он. Он бежал, таща перед собой ставший тяжёлым бубен, и продолжал повторять заклинание, которое слышал от отца.

Он быстро устал, у него кружилась голова, и уже заплетались ноги. Но он продолжал бить в бубен, кружиться и выкрикивать заклинания:

-Каом ободор мапабада.

И казалось, весь мир предков отвечал ему лесным эхом:
- каом ободор мапабада...

Он перевёл дыхание, и как в полусне увидел: на со-сну взгромоздилась огромная птица-Сва с человеческим лицом. Она тихо, только ему одному стала говорить, что нужно сделать, чтобы спасти охотника.

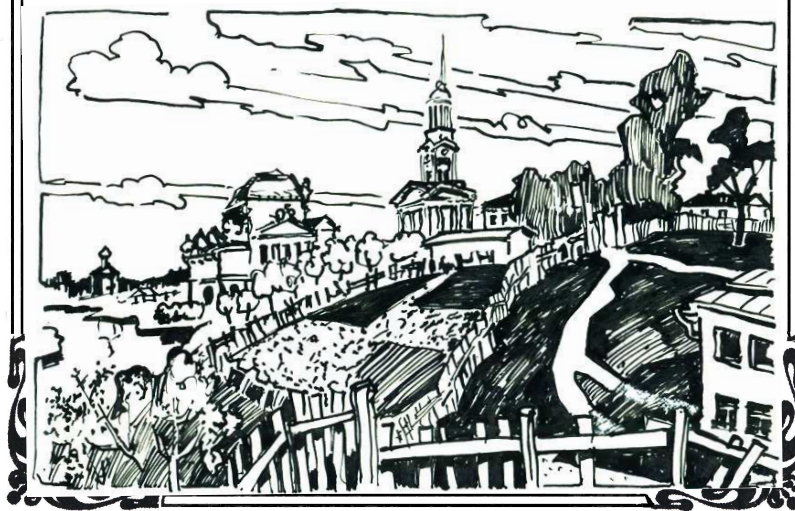
Ещё тяжело дыша, он резкими вскрикиваниями повторял заветные слова, и женщины его стойбища быстро выполняли команды. Дали раненому растворённый в воде мухомор, промыли внутренности кипячёной водой, уложили кишечник на место, и зашили рану тонкими сухожилиями оленя.

Охотник быстро поправился и стал снова охотиться на медведя.

С того первого дня прошло 50 лет.

Во время камланий к нему уже никогда не прилетала птица-Сва. То ли он не вписывался своими действиями в мир предков, то ли на том свете стало безлюдно. Но птица-Сва сделала тогда самое главное, вселила в душу его уверенность в своих силах. Жизнь трав и пользу их для человека он узнал сам, как и всё, что было связано со всеми родовыми знаниями, которые отец и его дед, так и не успели ему передать.

Ожидание

Ожидание

Он ждал её каждый вечер, напряжённо вслушиваясь в каждый звук за дверью, и всегда с радостью встречал её независимо от того, вовремя она пришла или задерживалась на работе. Иногда она вообще не приходила домой. Тогда он засыпал не раздеваясь, боясь пропустить счастливый момент её прихода. Он никогда её не спрашивал, где она была, да ему это не интересно. Главное - она приходила, и если даже кричала, что он не убрал за собой посуду или разбросал учебники, она же приносила что-нибудь вкусненькое.

В последнее время она приносила только хлеб. Но он всё равно её ждал, даже если она ничего не приносила поесть.

Сегодня, в субботу, он должен был пойти с ней "на посиделки" к её подруге, которая жила через два дома и готовила даже вкуснее, чем она, всегда угощая их яишницей.

В школу он не ходил, потому что неделю назад с товарищем пытался на рынке стащить яблоко. Знал, что воровать нехорошо, но так захотелось яблока, а взять его негде. За ним погнался злой дядька и хотя он выбросил яблоко, но дядька его даже не поднял, а гнался за ним дальше. Догнал. Ударил кулаком прямо по глазу, так что в глазах стало двоиться, а потом поднял его и швырнул на землю.

После этого он не только бежать или идти, но и дышать не мог. Отлежавшись в кустах, вечером еле притащился домой, и теперь вот уже неделю никуда не выходил. Синяк под глазом невозможно было скрыть и пришлось всё ей рассказать. Первый день его тошнило и он даже отказался от яблока, которое принесла соседка. Голова прошла на следующий день, ещё через два дня прошёл синяк под вторым глазом, который неизвестно откуда взялся, ведь по нему не били, а вот грудь так и не прошла, и краснота глазного белка не уменьшилась. Однако, у него прорезался зверский аппетит, потому что он выздоравливал. Сегодня он ждал её с особой радостью, в предвкушении вкусного и сытного обеда на посиделках. Её не было со вчерашнего дня и она обещала прийти к обеду, но что-то задерживалась. Он сам себе погладил чистую рубашку и брюки, почистил ботинки, хотя двигать руками ему было всё ещё больно и прилег отдохнуть. Она пришла только в четыре часа. И, даже не поругав его, сразу стала поджаривать хлеб.

- Зачем ты тратишь хлеб, ведь мы сейчас пойдём в гости?

- С таким глазом ты никуда со мной не пойдешь! Только позорить меня будешь, - отрезала она.

Это было для него полной неожиданностью, заняла больная грудь, и комок подступил к горлу.

Она поставила тарелку с жареным хлебом на стол:

- Садись, ешь, - сказала она и стала собираться к подруге.

Он сидел за столом, и слёзы капали прямо в тарелку. Зачем тогда она обещала его взять, и он собирался и ждал столько?

Спорить с ней было бесполезно. Ведь когда у вас никого больше нет и вам всего двенадцать, то теплоты ждёшь даже от чужого человека. А тут - мать. И он снова приготовился её ждать.

НОВЫЕ СТАРЫЕ ИГРЫ

Новые старые игры

открытом кафе у пляжа юркие официанты спешили исполнить заказы редких богатых клиентов. Цены здесь были кусачие, и половина столиков пустовала. Погода стояла жаркая и большие зонты, закрывающие от солнца людей за столиками, не спасали от зноя. У изгороди, отделяющей клиентов от внешнего мира, стояла голубоглазая девочка лет пяти в грязном платьице и с испачканным личиком. Она затравленно смотрела сквозь изгородничные клетки, как взрослые дяди и тётки ели мороженое и пили разноцветные соки.

- Иди сюда детка, - пижонистый мужичок с претензией на нового русского, поманил её пальцем.

Девочка робко подошла ближе, настороженно смотря на позвавшего её мужичка.

- Скушай конфетку, - сказал он, протягивая ей развёрнутую ириску.

Лицо девочки, просветлело от свалившегося счастья. Она засунула конфету в рот и стала её быстро жевать.

- Глотай, - приказал ей мужичок, и ещё раз повторил настойчиво,

- Глотай!

Девочка проглотила неразжёванную конфету. А в руке мужичка оказалась нитка, которой он привязал подаренную конфету. Хохоча, заезжий придурок стал вытаскивать ириску изо рта девочки.

От неожиданности у неё округлились глаза, и когда конфета была вытащена, девочка заплакала, закрыла ручонками лицо и направилась к выходу.

- На возьми, - сквозь смех кричал мужичонка, рассыпая по полу конфеты. Много конфет... Но она уходила с места своего унижения, унося с собой Большое Горе маленького человека, потому что... Наверное потому, что во всём белом Свете у неё не было мамы и папы, которые могли бы угостить её мороженым, или хотя бы защитить...

Мишутка

Мишутка

Они ехали в детский дом, куда его определили, через год, после гибели родителей. До автомобильной катастрофы он любил кататься на машине или автобусе, и смотреть в окно, как менялись проплывающие картинки. Но сейчас ему было не до этого. Его везли отдавать в детский дом. Постоянно думая о том, что он может сказать или как попросить свою тётю, чтобы его всё-таки не отдавали. Тётя Рита, мамина сестра, имела сама двух детей и всегда завидовала его маме, удачно вышедшей замуж за бизнесмена и имевшего одного ребёнка. И вот уже год после трагедии он прожил в семье со своими двоюродными братьями, постоянно слыша разговоры со стороны старших с холодящими душу словами жилплощадь и опекунов. Но теперь, как говорит тётя, поскольку ты никак не можешь прижиться в нашей семье, тебя определили в детский дом.

Особой причиной раздора с его братьями был Мишутка – маленький медвежонок, который умещался у него на ладонке. Он всегда носил его с собой за пазухой и даже спал с ним, стараясь никому не показывать. И только когда оставался один, он доставал его из-за пазухи, кормил заранее припасёнными хлебными крошками, целовал, как целовала его самого когда-то мама, и укладывал спать у себя за пазухой. Медвежонок купила ему мама в игрушечном магазине, когда они выбирали подарок на день рождения для его товарища.

– Тебе!

– С любовью!

– От меня – сказала мама. Остальные его игрушки, которые они объединили с двоюродными братьями, пришли в негодность или куда-то подевались. И Мишутка, был тем

единственным существом, оставшимся от его прежней жизни, с которой он не мог, и никак не хотел расставаться.

Они молча вышли из автобуса и вошли в вестибюль большого здания, где их уже ждала воспитательница.

– Тётя Рита, не оставляй меня здесь одного, попросил он свою тётю, которая привезла его в детдом.

– Я ведь хороший, он не знал, что ещё ему можно сказать, чтобы его не оставили тут насовсем.

Забежав вперёд неё и заглядывая ей в глаза, он пытался убедить её, чтобы она его увезла обратно отсюда, но она была холодна и непоколебима.

Воспитательница, встретившая их в вестибюле, взяла его за руку и хотела его увести с собой. Чувствуя приближение конца своей прежней жизни, он готов был пообещать тёте Рите, что угодно. Крича и плача, он умолял её:

– Я буду всегда заправлять постель,

– Я буду прибирать одежду,

– Я буду аккуратный;

– Я буду мыть обувь и вашу тоже;

– Я не буду больше драться, только не бросайте меня здесь одного.

Он не мог сказать ей, что драки происходят, когда его новые братья отбирают у него Мишутку, или конфеты, которые он приберегал, чтобы побаловать Мишутку, ведь это же было бы ябедничеством, а папа ему говорил, что ябедничать нехорошо.

– Я буду всем давать поиграться Мишуткой, он не знал, что еще пообещать, чтобы его не оставили здесь.

– Я подарю Мишутку, сказал он решительно, и достал медвежонка из-за пазухи. На детской ладошке появилось живое существо, его драгоценность и его тайна. Он протянул его тёте Рите.

– Забери своего медведя, – сказала она и оттолкнула

его руку.

– Всё решено, раньше надо было думать, – не жмотничать.

Мишутка упал на пол. Воспитательница крепче ухватила его за руку и потащила за собой, но он вырвался и обхватив тётину ногу продолжал умолять её, из последних сил надеясь на чудо, что его не бросят.

– Иди, иди, – сказала тётя. Они, вместе с воспитательницей, молча, разжали ему руки, и воспитательница молча потащила его за собой. Чуда не произошло. Отданный Мишутка – не возымел действия, всё было напрасно. Он, вдруг осознал наступивший конец своей прежней жизни, и уже не сопротивляясь, всхлипывая, шагнул за воспитательницей в неизвестность.

Запоздалое прозрение

Запоздалое прозрение

Когда я уходил в армию служить солдатом, меня провожала вся семья. Мама обеспокоенным голосом давала мне последние наставления носить тёплые вещи и одевать носки, чтобы не простывать, а папа молчал, потому что у него текли слёзы, которые он тщательно пытался сдерживать.

Мой отец был очень суровым мужчиной и я никогда не видел, чтобы он плакал. У него был крутой нрав и твёрдый характер, потому что он прошёл голод, смерть близких, беспризорничество, войну, фронт, службу в армии офицером, днмбельнувшись, достиг таких высот в карьере, что спокойно мог отмазать меня от любой армии. Но он не отмазал, потому что считал, что юноша может стать мужчиной, только пройдя через армию. Правда я его и не просил об отмазке, а наоборот было любопытно попасть в ВДВ или разведку или в какой-нибудь спец наз, потому что я сам хотел побыстрее превратиться в мужчину и не хотел, чтобы моё взросление растянулось до старости. Так что, зачем лить слёзы. Я не понимал его слёз, ведь я попал в режимные войска, где я, наконец, согласно, его же воззрениям, стану настоящим мужчиной.

Я никогда не видел от него нежностей. И теперь, когда я сам давно стал отцом, вспоминая свои проводы, меня вдруг пронзило озарение, что мой папа, когда провожал меня в армию, плакал, потому, что любил меня. Но те-перь, мой суровый папа, уже не узнает, что я его тоже любил.

Расстрел

Расстрел

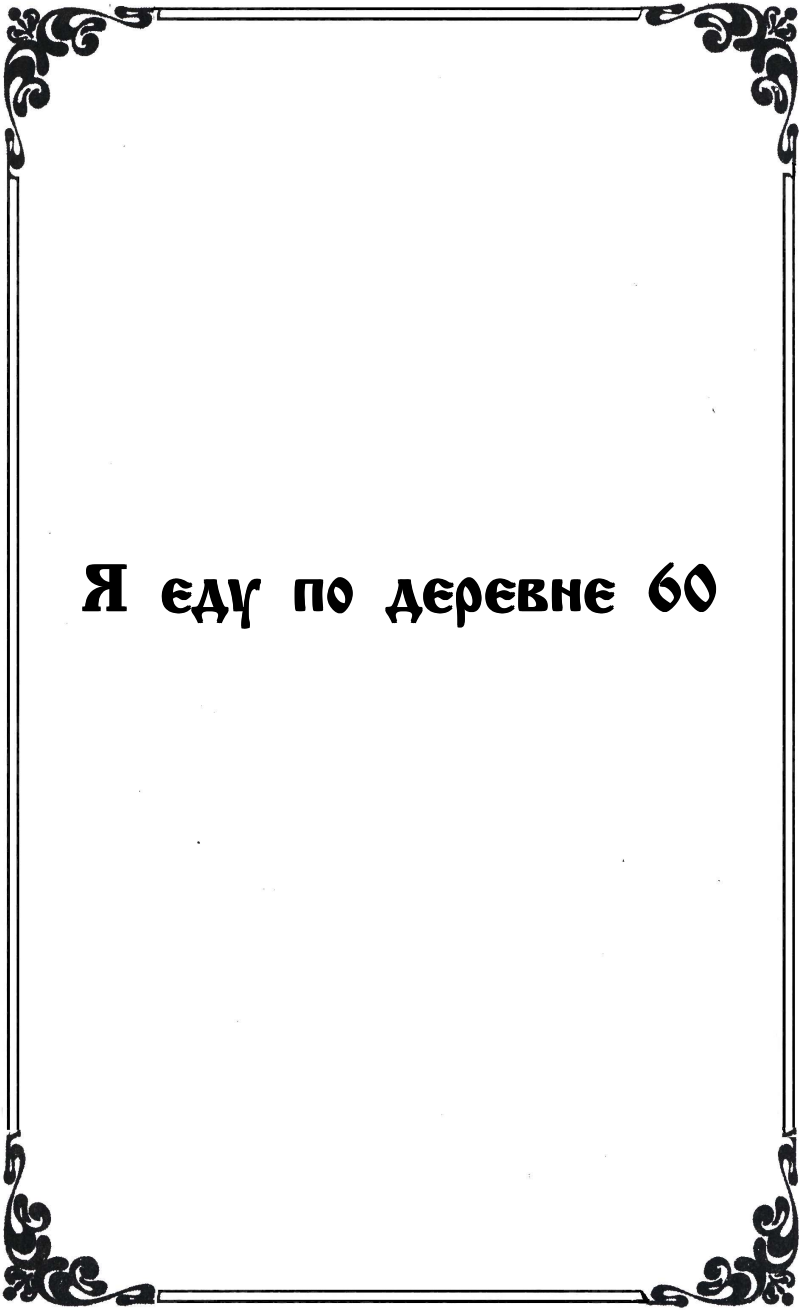
Мы с приятелем часто гуляли по окружной дороге, ко-торая обходила весь наш военный посёлок. За окруж-ную дорогу нам родители выходить не разрешали. Но мы изредка, вопреки их наказу, уходили далеко за до-рогу, туда на стрельбище, где можно было найти не только стрелянные гильзы, но и настоящие патроны. Когда нам удавалось их найти, для нас это был настоя-щий праздник, мы разводили костёр и бросали туда бое-вые патроны, в то время мы ещё не знали, что мы игра-емся со смертью. Они к нашей радости взрывались, правда после когда костёр затухал не было не гильз ни пуль от гильз. Другим нашим любимым местом была свалка, на которой мы находили множество интересных вещей, запчасти от танка, шприцы, старые вещи, радио-лампы и многое другое.

Мы с приятелем давно решили из набранных запчастей собрать настоящий танк и для этого стаскивали со свал-ки все выброшенные запчасти в наш "штаб", который мы сами соорудили

неподалёку от свалки, закрыв яму досками, которая по брусверу заросла кустарником, что делало её невидимой со всех сторон. Зато мы могли на-блюдать, не идёт ли кто, который бы мог нас прогнать со свалки. В этот день мы решили продолжить сбор зап-частей для танка, который надо было уже начинать со-бирать, поскольку мы уже почти заполнили яму и надо было смотреть как подходят детали к друг другу. При-ближаясь к свалке, мы увидели едуший по дороге мото-цикл с тремя человеками: двое в кожаных, а третий в коляске в офицерской шинели. У офицера было совершенно белое лицо и на фоне этой белизны аккуратные усики казались невероятно чёрными. Мы залегли за кусты, чтобы нас не увидели и не прогнали и стали ждать, когда они уедут. Но мотоцикл остановился прямо напротив нас и люди в кожаных стали кричать на офицера, чтобы он выходил. Но он не шевелился. Тогда один стал трясти офицера, а второй достал пистолет. Когда тряска не помогла, его выволокли из коляски, и потащили на нашу свалку и пока его тащили, раздавался выстрел. Мы поняли, что свершилось нечто ужасное, противное нашему сознанию. Скатившись с пригорка, за который мы прятались, мы со всех ног бросились бе-жать в посёлок,

ожидая, что по нам тоже откроют стрельбу...

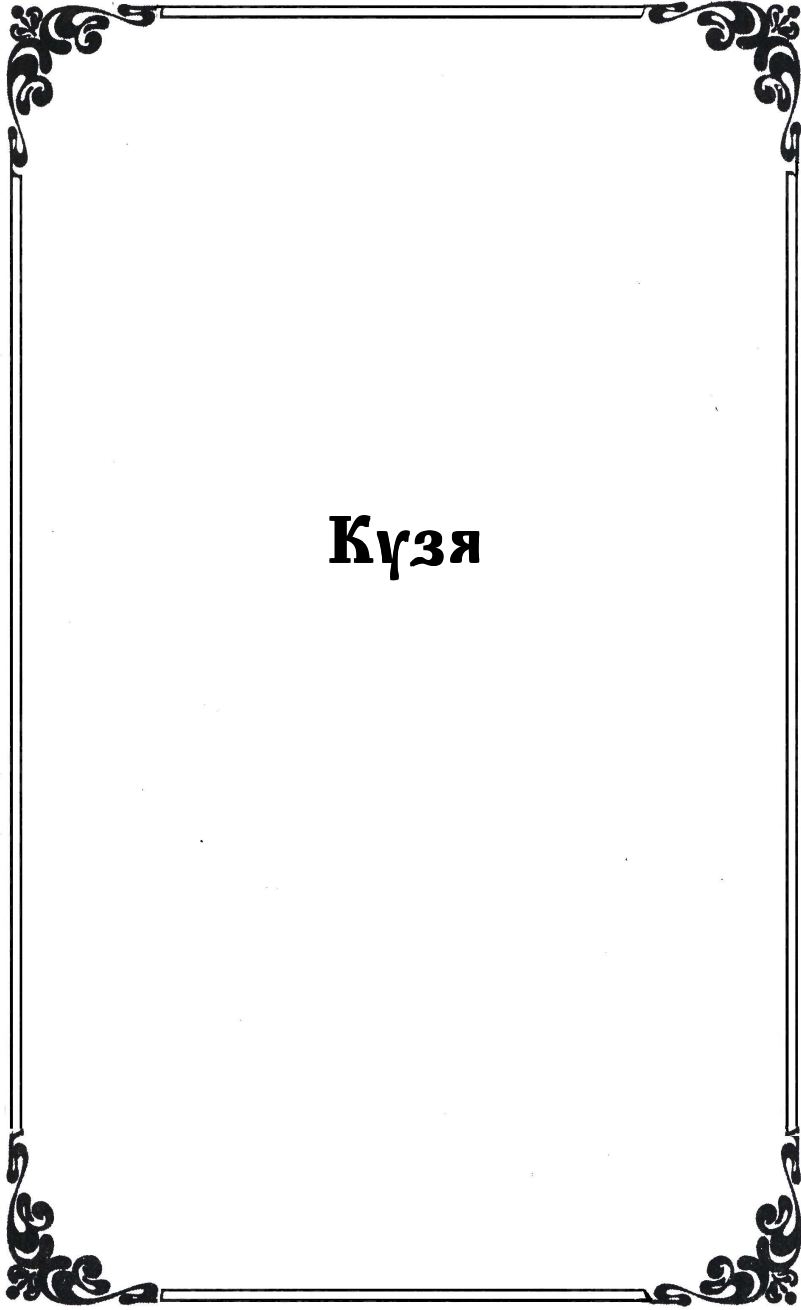
С тех пор мы больше не ходили на свалку. Нам пришлось забыть про свою мечту - собрать танк, потому что мы знали, что там закопан офицер с чёрными усами и белым лицом. Потому что там, где гибнут люди, меч-ты умирают.

Я ЕДУ ПО ДЕРЕВНЕ 60

Я еду по деревне 60

Я еду по деревне со скоростью 60 км в час. Хотя могу ехать и 80 и даже 100 км. И меня уже никто не останавливает. Хотя ещё недавно почти в каждой деревне, если встречные водители не предупреждали меня фарами, о засевших гаишниках, я всегда попадал на штрафы. Но не стало гаишников, и опустели деревни. И теперь вот я еду 60, в надежде, что вот за тем поворотом, меня как в прежние времена встретится машина ГАИ, и строгий гаишник пристально осмотрит меня и машину и проводит меня взглядом, как примерного водителя. Я еду 60, хотя знаю, что никакого гаишника там нет, и уже никогда не будет, но я всё равно еду 60, как будто это поможет вернуть мне мою страну, которую мы потеряли.

Күзя

Күзя

Мы открыли свой кооператив по выращивание шам-пиньонов, и для этого у разваливающего совхоза взяли в аренду, такой же разваливающийся коровник, в кото-ром мы планировали выращивать шампиньоны. Нас было 7 человек энтузиастов, и мы приступили к осуществлению своих планов. И уже в первый рабочий день на потолке коровника что-то очень тяжёлое прыгало и ухало, так, что казалось, что потолок вот-вот рухнет. Мы обследовали весь чердак, но никого не нашли, однако нашли странный помёт, что-то среднее между козьим и лосиным помётом, и отдали его в университет на анализ, чтобы нам определили: кому он может принадлежать, который способен лазить по чердакам и прыгать как будто стокилограммовая штанга упала на потолок.

В университете нам ничего вразумительного не ответи-ли, не считая, конечно предположения, что это возмож-но очень крупный козёл, правда

никак не объяснили зачем козлам лазить по чердакам и ещё прыгать там.

Мы понимали, что это существо не из учебника зооло-гии, и обладает явно признаками разума, поскольку хо-чет нас напугать и выжить отсюда. Между собой мы окрестили его Кузя. Почти каждый день Кузя продолжал прыгать во время нашей работы и все попытки с ним подружиться или договориться - не имели успеха. Оставленную пищу, он не ел, и даже к водке, как учили старожилы, что это нас обязательно подружит, он не притронулся. В последствие, правда, мы обнаружили, что Кузя любит сухофрукты, которые исчезали, после того, как мы ему их оставляли. Но это было потом. Близилась зима, и нам пора было осваивать спальные места, поскольку дорога из города до нашего коровника отнимала массу времени, а мы не успевали утеплиться до наступления зимы. Жребий первым остаться на ночь выпал на меня. После того, как все уехали, я ещё немного поработал и с наступлением темноты, включил большую плитку - используемую нами в качестве обогревателя и лёг спать. И не успев задремать, я услышал громкий стук в нашу дверь. Сначала я подумал, что это очередной пьяный сельчанин пришёл качать права или требовать деньги на

водку. У нас не было ни ножей ни топоров, ни даже вилок, поскольку мы привозили холодным пайком из дома поесть и всё увозили обратно. А из инструмента у нас были носилки, деревянная лопата да веники. Но у меня страха не было. Я подошёл к двери и спросил, кто там, стук прекратился и но ответа не последовало и я понял, что это Кузя опять буйнит, пытаясь меня прогнать. Я открыл дверь со словами, что Кузя на-прасно нервничает, мы ему не причиним не приятностей. И нам давно пора подружиться. Хотя за дверью никого не было, после своих слов о дружбе с Кузей я ещё раз повторил их налегая особенно на необходимость нашей дружбы. Немного постояв, я зашёл обрат-но и снова лёг спать. Стуча в дверь больше не было и проспал до утра.

Мы подружились с Кузей, но странным образом. Объек-том своих проказ он почему-то выбрал меня. То он вы-бросит мыло с умывальника когда я после работы мыл лицо с мылом, то, когда я лежал распластавшись на траве от переутомления, он щекотал мне лицо травинкой. Как только я вскакивал и смотрел, кто это мог быть, ни-кого не было. Но однажды боковым зрением я заметил как странное существо, после того как я резко повер-нулся к нему отскочило, это было коренастое меньше

меня на голову двуногое существо, без шеи и покрытое густой чёрной шерстью с двумя горящими глазами. Ах ты Кузя проказник, ласково сказал я ему, никто с тобой не играет. После этого случая, как я его засёк, Кузя все-гда встречал меня, после того, как вынужден был отлучатся по делам в город на несколько дней. И хотя я его не видел, но я чувствовал такую волну радости от него и я был уверен, что радость именно исходит от него, потому что мне радоваться особо было нечему. Но вскоре, у нас случился пожар, весь урожай шампиньонов погиб и Кузя после этого исчез. Хотя мы быстро ликвидировали последствия пожара и восстановили своё хозяйство, Кузя больше не проявлялся. Напрасно я ходил по чердаку и звал его. Кузи нигде не было. Хотя мы восстановили хозяйство, восстановить былой энтузиазм нам не удалось, и наш кооператив вскоре распался. Я не думал, что Кузя погиб и несколько раз объезжал окрестности в поисках Кузи. И вот однажды в соседней деревне, около брошенного склада, меня что-то заставило остановиться, и я опять ощутил приступ радости, какой обычно излучал Кузя. Да, я встретил Кузю. Я открыл заднюю дверку своего автомобиля, с предложением Ку-зи поехать со мной на новое место, где у меня новое предприятие и новый

тёплый чердак, Но Кузя в машину не сел. Но я был рад за него, что он остался в живых после той злополучной ночи. Через много лет, когда я приехал из другого города в свой родной город и специально поехал на место, где встретил в последний раз Кузю. Кузи не было. Что с ним? Я не знал. И было жалко, что из моей жизни исчезло существо, которое искренне радовалось мне.

Черные деньги

Черные деньги

Она ехала к своему другу, с которым они были близко знакомы много лет назад и даже собирались пожениться, но как-то не сложилось и они разошлись, и вот теперь три месяца назад снова встретились. У них возник роман, который, как она надеялась, должен закончиться был свадьбой. Хотя свадьбы, при их нынешнем материальном положении, конечно не будет. Он - свободный художник, а она учительница, какие могут быть у них деньги? Но он, как она думала, разделит с ней все её тяготы. Ну и потом, вдвоём всё равно легче выжить в это непростое для всех время.

Зарплаты учительницы хватало, чтобы заплатить за квартиру и купить одну упаковку лекарства, которую она растягивала на месяц, хотя, чтобы унять боль и нормально жить этой упаковки хватало всего на пять дней по две таблетки на день. Но шесть упаковок в месяц, чтобы жить нормально стоило больше её зарплаты, поэтому и приходилось обходиться одной упаковкой. Поджелудкой она мучилась с детства, но именно два последних года боль

практически не отступала. Ей пришлось оставить вторую ставку учительницы, поскольку здоровье уже не позволяло работать, и заняться репетиторством, где платили больше, а работать можно было меньше. На эти деньги, полученные от репетиторства они с сыном-школьником и жили.

Она мечтала подкопить деньжат, чтобы купить две упаковки лекарства на месяц, тогда бы она смогла взять больше часов репетиторства. Но накопить сэкономленные деньги от уменьшения в рационе количества картошек и многократного использования пакетиков чая - не удавалось, всегда возникали непредвиденные расходы и сэкономленные деньги разлетались. А взять займы было не у кого. Все её подруги, сослуживцы и соседи, тоже выживали, как могли и не имели лишних денег.

Её возлюбленный три дня назад сломал рёбра, и одно сломанное ребро проткнуло ему лёгкое. Его положили в больницу, но там не было нужных лекарств, и поэтому вчера она ему привезла свои деньги, отложенные на чёрный день, на которые она, чтобы жить, каждый месяц покупала упаковку креона, а потом, получив деньги в школе и за репетиторство, снова откладывала на креон, а остальные уходили на еду. Если бы, конечно,

не сын, она не сомневалась в вопросе надо ли ей жить? Потому что она уже смертельно устала бороться за свою жизнь и за жизнь сына.

Но сейчас эти деньги были нужней ему, поломанному и с проткнутым лёгким её жениху, которому тоже не кому было помочь. И она, нисколько не сомневаясь, отдала ему их. Ведь он оставался её робкой надеждой на совместную жизнь и взаимную выручку и, как она считала, оценит её поступок по достоинству.

Своему любимому она взяла одно яблоко и один апельсин, с учётом, чтобы доехать до больницы как белый человек на трамвае, а обратно идти пешком, поскольку денег не только на обратный путь, их не было вообще. Она и работала, и репетиторствовала, таким образом, чтобы не тратить деньги на транспорт, цены в котором стали для неё не подъёмными. И сейчас ситуация с его болезнью, сильно подорвало её бюджет. Можно, конечно, было и не покупать фрукты, но ведь нельзя же в больницу приходить с пустыми руками.

Войдя в палату, где лежал её пострадавший, она упредила его попытку подняться с постели, поцеловала его и спросила:

- Ну как ты?

- Да, всё нормально.

- Я тебе привезла гостинец, и она достала салофановый пакетик с купленными ею фруктами.

- Куда тебе это положить? Это твоя тумбочка?

- Да.

Она открыла тумбочку, где наряду с зубной пастой и мылом стояли четыре бутылки из-под пива, одна из которых была не допитой.

- Это твоё? - показывая пальцем на бутылки, спросила она.

- Да.

- А ты лекарства купил?

- Нет.

В глазах у неё потемнело, и она ухвати-лась за тумбочку, чтобы не упасть.

- На какие шиши теперь лечить этого оболдуя? - мелькали у неё мысли.

- Как ей самой сейчас работать и выстоять, когда нет лекарства и даже мысль, что она кому-то помогла её не будет поддерживать, потому что её помощь была бесполезной?

- Как ей теперь жить, когда она всё время погибается от боли и нет, и не будет возможности утихомирить эту адскую боль?

Слёзы отчаяния застлали ей глаза, она хотела кричать от нефизической боли, сжавшей ей

душу, но уже не было сил даже на шёпот. Мгновенная слабость охватило всё тело.

Она понимала, что вот и пришёл окончательный крах её жизни и что она уже ничего не может изменить.

-Что будет с её сыном?

-И как она устала карабкаться и цепляться за жизнь, когда ей всё время молотком по пальцам. И, проваливаясь в бездну, словно издалека, она слышала голоса:

-Что с тобой?

-Врача!

-Что с ней?

-Не знаю!

-Да всё вроде нормально.

-У неё нет пульса!

-Быстрее врача?

Но там, в кромешной темноте, куда она погрузилась, голосов уже не было слышно.

Поводырь

Так уж получилось, что на нашей Пролетарской улице все ребята подобрались одного возраста, не считая, конечно, мелюзги, которая ещё не ходила в школу.

Напротив нашего дома стояла хибара, где жили слепые: муж и жена. Они всегда ходили вместе, и в руках мужчины, как лучик в пространстве, была изящная, тонкая палочка. Однажды мы узнали, что эта семья взяла из детского дома поводыря, мальчика лет шести. Теперь мы его видели каждый день, когда он водил своих новых родителей в наш магазин. Слепой держался за плечо своего нового сына, а изящная палочка перешла в руку его жены. Поводырь почему-то был всегда чумазый, и в отличие от нас, в любую погоду ходил босиком, без майки, в одних шортиках, которые, наверное, служили ему не только верхней, но и нижней одеждой.

Выходя погулять, он садился на лавку возле своего крыльца и молча, наблюдал за нашими играми. Такое поведение нас раздражало. Наверное, ему хотелось тоже с нами поиграть, но он не знал, как к нам подойти, ведь он был на год-два младше нас. Я не помню, чтобы он с кем-то из наших ребят о чём-то заговорил.

Кому-то из нас в голову пришла неожиданная затея проучить его и прогнать с нашей улицы, она всем понравилась. Мы набрали полные карманы мелких камней и галек и направились к его дому. Он ничего не подозревал, сидел на своей лавке, поставив босые ноги на песок, который откуда-то натаскал для своих игр.

Ни слова не говоря, мы начали швырять в него собранные боеприпасы, ожидая, что он сразу убежит. Но

он не убежал, и не спрятался в дом, а подбирал кинутые в него камни и кидал их обратно в нас.

При каждом попадании в него он вздрагивал и на мгновение замирал, зажимая левой рукой новую кровоточащую ссадину. И снова начинал отстреливаться. Нас охватил мальчишеский азарт, но какой бы силы, ни был удар, он не плакал, а лишь смотрел удивлённо, часто мигая, в сторону попавшего и продолжал отчаянно сражаться с нашей ватагой.

Если бы он заплакал, мы бы прекратили этот неравный бой, но, казалось, он не умеет этого делать. Один раз, я помню, он даже попал в меня, но мне было не больно, потому, что на мне была вельветовая курточка, надёжно защищавшая меня от ударов. Его же защищать было нечему, так как на нём, кроме шорт не было никакой одежды. Поэтому его голые тельце и левая рука, которой он защищал голову, очень быстро покрылись красными ссадинами.

Мы думали, что он не плакал потому, что новые родители, узнав об этом случае, отправили бы его за "хулиганку" обратно в детдом. Но это было лишь предположение. Для нас так и осталось загадкой, почему он не заплакал.

Расстреляв весь боекомплект, мы так и не смогли заставить этого упрямца заплакать или убежать, и ушли сами, чтобы заняться более важными и интересными делами, чем принуждать этого карапуза к плачу. Уходили мы гордые, как хозяйева улицы, но в душе закралась досада, как будто не мы, а нас побили камнями. Однако мы добились своего. С тех пор поводырь уже не появлялся на нашей улице, и мы его больше никогда не видели...

Прошло много лет. Мы стали взрослыми. У каждого,

кто жил на Пролетарской улице, по-своему определился путь, но многие из нас сейчас знают, что сила не там, где много, а там, где, правда.

И сегодня, когда я вижу людей, швыряющих камни в своих поводырей, я вспоминаю из своего далёкого детства чумазого поводырёнка с Пролетарской улицы, который пытался своей маленькой ручонкой защититься от града летящих в него камней. Теперь я знаю, почему он тогда не убежал и не заплакал.

Потому что он был Поводырь.